

An illustration of a woman in a pink kimono and a blue umbrella, standing under a tree with falling orange and red leaves. The scene is set against a light background with falling leaves scattered around.

*Шепот падающих
листьев*

Александр Долгирев

18+

Александр Сергеевич Долгирев

Шепот падающих листьев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38280032

SelfPub; 2018

Аннотация

В середине XIX века немилосердный ветер перемен достиг берегов Японии, уже несколько столетий пребывавшей в дремотном постоянстве эпохи сегунов Токугава. Теперь молодой император Мейдзи начинает новую эпоху, которая навсегда переменит жизнь зачарованной, заповедной страны. Искусным ремесленникам, блистательнейшим в своей преданности воинам, даже призракам несчастных душ и демонам безлюдных долин предстоит изменить себя или кануть в пучину прошлого. В оформлении обложки использована картина Такеси Кейшу "Под осенним кленом".

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

*На голой ветке
Ворон сидит одиноко
Осенний вечер¹.*

На Токио опустились сумерки. День, наполненный суетой и мельтешением, уходил на запад, а над Японией наступала ночь. Синдзи выпрямил спину, едва не застонав от ноющей боли. Перед ним лежала законченная печатная форма для изготовления гравюры. Вишневая доска теперь несла на себе рельефное изображение осеннего сада, раздеваемого немилосердным порывом ветра. Синдзи улыбнулся – он проделал хорошую работу.

Резчик поднял взгляд чуть выше и посмотрел на высокую стопку завершенных печатных форм. Когда госпожа Асакава сказала ему, что для исполнения этой гравюры ей потребуется не менее сорока цветов и оттенков, Синдзи даже не сразу осознал, что она не шутит.

Для каждого цвета нужна была своя печатная форма. Обычный художник определял цвета заранее, и резчику достаточно было нанести на каждую доску лишь те части ри-

¹ 1. Автор Мацуо Басе (1644-1694). Перевод В. Марковой.

сунка, которые должны были быть окрашены в конкретный цвет. Но госпожа Асакава была необычным художником – цвета гравюры были для нее очень важны и, зачастую, определялись уже, когда мастер-печатник готовился наносить краску. Из-за такого подхода Синдзи был вынужден вырезать рисунок целиком на каждой печатной форме, зная лишь примерное количество цветов.

Теперь этот тяжелый и требующий великой аккуратности труд, отнявший у Синдзи целых десять дней, был завершен. Резчик определенно мог собой гордиться – это была его самая объемная и сложная работа. Оставалось лишь показать законченные формы госпоже Асакаве.

Синдзи задержался мыслями на художнице, с которой работал последние два года с самого своего приезда в Токио. Госпожа Асакава была более чем в два раза старше своего резчика и недавно преодолела сорокапятилетний рубеж. Ее резкий характер и некоторое высокомерие отпугивали, но Синдзи сразу обратил внимание на глубокую, всепоглощающую страсть, с которой госпожа Асакава относилась к своей работе. Она могла десятки раз переписывать рисунок, прежде чем отдавала его Синдзи для создания самой первой печатной формы. Беспощадно требовательная по отношению и к Синдзи, и к печатнику мастеру Такэде, она вовсе не делала поблажек и самой себе.

Синдзи отвлекся от мыслей о госпоже Асакаве и выглянул в окно. Было уже совсем темно – город готовился ко сну. Ви-

зит к художнице мог подождать. Не просто мог – визит в такое время был бы откровенно невежливым. И все же резчик хотел показать ей свою работу прямо сейчас. Сама госпожа Асакава порой вовсе не стеснялась приходить к Синдзи с новым рисунком в часы, когда на улицах пристало находиться лишь бездомным псам и призракам.

Резчик провел огрубелой ладонью по доске и принял окончательное решение. Он встал и широко потянулся, окончательно распрямляя натруженную спину. После этого Синдзи уложил доски в корзину, предварительно пересчитав – получилось сорок две печатных формы. Лямки тяжелой корзины больно врезались в плечи, но, к счастью для Синдзи, госпожа Асакава жила не очень далеко – всего лишь в получасе неспешного пешего пути.

На улице разыгрывалась непогода. Резкий ветер норовил сорвать с головы резчика шляпу, а полы кимоно хлопали, как крылья птицы. Луна была закрыта тучами и если бы не редкие фонари и тусклый свет в домах, Синдзи не увидел бы совсем ничего дальше пяти шагов.

Когда резчик уже подходил к дому госпожи Асакавы, луна неожиданно вышла из-за туч и показала свой болезненный лик. Тонкое облако пересекало ее серебристую поверхность подобно порезу, оставленному на бледной коже, только без крови. Синдзи поднял лицо к небу и засмотрелся на эту картину. Неожиданно ему на нос упала тяжелая и очень холодная дождевая капля. Через считанные минуты луна вновь

укрылась за тучами, но Синдзи уже не видел этого – он спешил к дому госпожи Асакавы в наивном стремлении обогнать дождь, кляня себя за то, что уступил детскому желанию похвастаться своей поделкой перед старшими.

Наконец, Синдзи оказался на крыльце перед дверью художницы. Дождь преследовал его по пятам, а корзина тянула к земле. Резчик постучал. Где-то в доме раздался звук, будто что-то тяжелое упало, но после этого все стихло. Дверь перед Синдзи так и осталась закрыта.

В доме горел свет, а это значило, что хозяйка была у себя. Госпожа Асакава жила одна, кроме того, порой увлекалась настолько, что не слышала ничего, что происходит вокруг. Синдзи застыл в нерешительности – нарушать приличия и далее он не считал возможным, но и возвращаться домой под все-таки начавшимся дождем, еще и не достигнув цели своей вечерней прогулки, резчик тоже не хотел.

Он так и остался на крыльце под небольшим навесом, решив подождать пока дождь немного ослабнет. Ветер совершенно стих, оставив только дождь, и Синдзи осознал вдруг, что звук дождя это единственное, что осталось в мире. Не лаяли собаки, не смеялись люди, не звенели колокольчики у дверей. Внезапно на самой грани слуха резчик уловил один единственный женский всхлип. Он сразу понял, откуда произошел этот всхлип и, не успев, толком, подумать о своих действиях, отодвинул створку двери дома госпожи Асакавы в сторону.

Дверь поддавалась. В ноздри Синдзи ударил до неприятного сильный запах благовоний. Он обернулся, чтобы закрыть за собой дверь. Над дверью по старой традиции висела нагината², которую должно держать женщине, происходящей из семьи воинов, для защиты очага. Синдзи немного замешкался, любуясь изящным оружием. Император в своей великой мудрости изволил отменить самурайство, но отменить традиции, как видно, было не под силу даже Ему – отчего-то Синдзи улыбнулся этой мысли.

В это мгновение всхлип повторился. Один негромкий женский всхлип, от которого волосы на спине резчика зашевелились. Синдзи снял корзину с немного подмокшими досками и поставил ее на пол. Вдохнул из спальни госпожи Асакавы. Резчик нарушал всяческие приличия, но теперь он совсем не сомневался, что с художницей случилось какое-то несчастье.

Ступая беззвучно, Синдзи подошел к двери в спальню и отодвинул ее. Госпожа Асакава сидела в центре комнаты совсем неаккуратно одетая и растрепанная. Ее лицо было обезображено следами горького, тяжелого, изнуряющего плача. Кулаком левой руки она зажимала себе рот, стараясь не выпустить ни единого стона или крика, а правую с зажатым в ней ножом неумолимо приближала к собственному горлу. В

² 2. Нагината – лезвие на длинной (1.5-2м) рукояти. Более всего это оружие напоминает алебарду или глефу. Один из традиционных атрибутов женщин из самурайского сословия.

этот момент художница открыла глаза, желая увидеть мир в последний раз, но увидела совершенно ошарашенного Синдзи.

– Госпожа Асакава, что вы делаете?!

Художница оторвала прокусанный до крови кулак ото рта и произнесла с каким-то совершенно жутким спокойствием:

– Приветствую, Синдзи. Зачем ты в моем доме?

– Я... я принес вам печатные формы, госпожа.

– Ах да, я и позабыла о нашей работе. Прости меня, Синдзи, придется тебе самому закончить.

– Но я же не знаю, какие нужны цвета, госпожа, я не смогу без вас.

– Сможешь. Все смогут без меня, Синдзи.

– Не надо, госпожа...

Госпожа Асакава улыбнулась, а потом оглушительно громко крикнула: «Десять тысяч лет...»³ и резким движением перерезала себе горло.

Осеннюю мглу

³ 3. «Банзай!» – традиционный японский боевой клич, который так же может быть способом передачи практически любых очень сильных эмоций. Переводится как «Десять тысяч лет...» и является частью фразы «Тэнно: Хэйка Банзай» – традиционного пожелания десяти тысяч лет жизни императору Японии.

*Разбила и гонит прочь
Беседа друзей⁴.*

Мастер Такэда опрокинул в себя еще одну чашку саке и рассмеялся. Он был уже изрядно пьян и совершенно свободен от уныния, которое владело Синдзи. Резчик тоже был весьма нетрезв, но в веселость все никак не мог впасть. В отличие от известного выпивохи Такэды, который пил для расслабления и отдыха, Синдзи пил редко и обычно это было связано с тяжелыми жизненными переживаниями. Вот и в этот вечер резчик пытался с помощью саке смыть из своей души образ спальни госпожи Асакавы и упавшее вперед тело самоубившейся художницы, и кровь, пропитывающую татами...

Синдзи моргнул несколько раз, пытаясь прогнать вновь представшую перед ним картину, потом выпил саке и обратился к мастеру Такэде:

– Над чем вы смеетесь?

Такэда закинул в рот обжаренный кусочек мяса, заел рисом и только потом ответил:

– Я вспомнил варвара, которого видел сегодня в городе. Он был одет в то, что они считают воинским одеянием. Синдзи, это какая-то нелепость! Движения скованы, одежда облегает тело будто специально, чтобы попасть было проще и до ужаса некрасива! Ни росписи, ни изящного шитья – тем-

⁴ 4. Автор Мацуо Басе (1644-1694). Перевод В. Марковой.

но-синяя ткань и немного золотого. И что Государь в них нашел, ума не приложу!

– Ну, нам до Его мудрости очень далеко, так что Ему виднее, мастер Такэда.

– Это верно... А ты чего никак развеселиться не можешь – все думаешь о госпоже Асакаве?

– Да... Никак не могу понять, зачем она это сделала.

– Эх, Синдзи, поживешь под солнцем с мое – поймешь, что женская честь на мужскую совсем не похожа – мало ли что могло ее задеть. Может история с мастером Хираямой так сыграла, а может, картина не получилась – художники-то люди одержимые, а уж госпожа Асакава одержимее многих была...

– А что за история с мастером Хираямой?

– Ну, Синдзи, два года работал с госпожой Асакавой, а так ничего о ее жизни-то и не знал...

Резчик отчего-то очень смутился из-за этого упрека, поэтому поспешил заесть свое смущение и залить его sake. Такэда, между тем, продолжал:

– Мастер Хираяма ее учителем был, хотя он всего лет на пятнадцать ее постарше. Ну и слухи много лет ходили... А потом, когда жена мастера Хираямы умерла, это, в общем-то, секретом быть перестало. Да, они много лет ведь друг с другом прожили...

Такэда замолчал. Пьяная веселость испарилась из него, оставив лишь потерянного немолодого человека. Синдзи же

перебирал в памяти людей, которые пришли проститься с художницей.

– А мастер Хираяма был на похоронах госпожи Асакавы?

– В том то и дело, что нет. Его где-то с месяц назад выслали из Токио... Я еще тогда удивился, что госпожа Асакава за ним не последовала.

– А за что выслали?

– Ну, мастеру Хираяме то, что происходит в Эдо⁵, давненько нравиться перестало. Засилье варваров многих раздражает. Мастер Хираяма написал пару картин с самурайскими добродетелями, сходил на пару собраний, покритиковал пару раз господина Сайго Такамори⁶ и получил настойчивую рекомендацию держаться от новой столицы подальше... Япония меняется, Синдзи. И я не знаю, найдется ли нам в ней место. Ты видел фот... фотогра... фо-то-гра-фии – чертовы варвары с их чертовыми словечками!

– Нет, мастер Такэда, а что это?

– Очередное изобретение варваров. Они научились делать картины, являющиеся точной копией того, что на них изображено. Мастерство художника не играет здесь никакой роли, Синдзи, на этих картинах люди и природа не просто по-

⁵ 5. Эдо – название Токио до переноса в него Императорского двора и столицы в 1868г.

⁶ 6. Сайго Такамори (1827-1877) – один из ближайших сподвижников императора Муцухито (Мэйдзи), проводившего политику модернизации Японии и открытия ее миру. В течении первых лет реформ молодого императора был де-факто вторым лицом в стране.

хожи на себя настоящих, а являются собой настоящими... Я не знаю, как это у них получается, но, вроде, это делается с помощью специального механизма. Когда эти механизмы появятся у нас, наше с тобой ремесло станет никому не нужно.

– А эти фот... эти картины изображают только настоящее, мастер Такэда? Они не могут изображать прошлое или сны?

– Не знаю, Синдзи, все фото-граф-фии, которые я видел, изображали только причудливо одетых варваров и виды Японии. На них не было призраков или образов снов, хотя я не знаю, какие призраки существуют в странах варваров. Вдруг они неотличимы от самих варваров?

– Ну, тогда, мне кажется, что мы не останемся без работы. Рассвет над Фудзи, дождь над Киото, призраки и духи, великий Миямото Мусаси⁷, сражающий своего противника насмерть деревянным мечом – никакие механизмы варваров не способны создать образы подобные этим! Как не способны они передать изящество фигуры красавицы.

Синдзи замолчал и обернулся вокруг. Оказалось, что он немного вышел из себя и теперь на его скромную фигуру были обращены взгляды людей собравшихся в закусочной. Прячась от этих взглядов, резчик вновь выпил. Мастер Такэда смотрел на него с некоторым ехидством. Так прошло

⁷ 7. Миямото Мусаси (1584-1645) – выдающийся фехтовальщик и теоретик японского фехтования, философ. Яркая жизнь Миямото Мусаси сделала его народным героем, которому посвящено множество произведений искусства в самых разных жанрах.

несколько минут.

Синдзи хоть и отбивался из всех сил, все же был вновь затянут мыслями в комнату госпожи Асакавы, поэтому появление хозяйки закуской рядом с их столиком оказалось для него неожиданностью. Госпожа Торихама принесла две бутылки из прозрачного стекла, от которых мастер Такэда не мог оторвать взгляд.

– Вы достали их, госпожа Торихама! Как же вам удалось?

Немолодая уже женщина, госпожа Торихама умела улыбаться так, что сразу создавала у гостей своего заведения ощущение настоящего домашнего уюта. А мастер Такэда, печатная мастерская которого находилась совсем недалеко, был ее постоянным посетителем. Несмотря на теплую улыбку, последовавшую вслед за вопросом Такэды, от ответа госпожа Торихама уклонилась:

– Я предпочту оставить это в тайне, мастер Такэда, а то вдруг вы начнете покупать этот напиток не у меня.

– Справедливо!

Когда госпожа Торихама ушла, Такэда подвинул одну бутылку Синдзи и, заговорщицки наклонившись к резчику, произнес:

– Это пи-во – напиток варваров. Я уже один раз пробовал и до сих пор испытываю смешанные чувства.

Мастер Такэда взял бутылку и отпил прямо из нее, не наливая в чашку. Синдзи списал такое бескультурье мастера на опьянение, но сам, разумеется, следовать дурному примеру

не стал. Напиток был пенистым, как море в прилив, и имел цвет меда. Синдзи сделал небольшой глоток. Напиток не был ни на что похож. Сладкий и горький одновременно, освежающий, но тут же бросающий в жар. Синдзи допил из чашки, но больше наливать не стал. Вместо этого он посмотрел на надпись на бутылке. Та содержала какие-то странные символы. Резчику уже приходилось видеть подобные символы, и он знал, что так выглядят иероглифы варваров.

Такэда в несколько глотков выпил свою бутылку и взял ту, из которой наливал Синдзи. Мастер становился все пьянее, а вот резчик, как ему самому казалось, наоборот, начал трезветь.

– В молодости Асакава была очень красива.

Слова мастера Такэды не относились ни к чему и были сказаны, как будто он был один. Такэда не спрашивал, но Синдзи отчего-то не смог не ответить:

– Она и в поздние годы была красива, господин Такэда.

– Знаешь, она всю жизнь владела другой красотой, Синдзи. Не той, которой обладают обнаженные девицы на «весенних картинках»⁸, и не той, которую пытаются поймать, изображая красавиц в изящных кимоно. Если бы я был художником, я не писал бы Асакаву в этом жанре – она была другой.

Такэда замолчал столь же внезапно, как и начал говорить. Мастер совсем погрузился, а Синдзи понял, что хочет уйти

⁸ 8. Сюнга (пер. весенняя картинка) – жанр традиционной японской гравюры. Изображение эротического, а иногда и порнографического характера.

отсюда, уйти от старого пропойцы Такэды и от уютной заку-сочной госпожи Торихамы. Сейчас он был готов променять их даже на повторяющийся кошмар спальни госпожи Асакавы.

Желание Синдзи исполнилось через полчаса. Такэда отправился в объятия девиц из Ёсивары⁹, а Синдзи пошел к своему дому. На этот раз стояла тихая погода, хотя луны все равно не было видно из-за туч. Синдзи никуда не спешил, немного приходя в себя после попойки – оказавшись на ногах, он в полной мере осознал, что выпил многовато.

Мимо стремительно пробежал маленький человек, скорее всего ребенок. Синдзи смог увидеть только лысую голову, прежде чем мальчик нырнул в переулок. Резчик понял, что прилично мерзнет и посильнее запахнул одежду.

До его дома было уже недалеко. Из темного переулка пахнуло каким-то болотным запахом, которому неоткуда было взяться в Токио. Синдзи осознал, что обходит этот переулок по очень широкой дуге, стараясь не выходить на свет. Резчик уже видел свой дом в конце квартала и ускорил шаг, кляня себя за мнительность. Он слышал лишь стук своего сердца и свои шаги. Внезапно Синдзи услышал третий звук – цокот деревянных башмаков, который доносился сзади и был очень близко. Резчик мгновенно вспотел и захотел побежать, но поборол это желание и просто обернулся – сзади никого не оказалось.

⁹ 9. Ёсивара – квартал красных фонарей в Токио.

Цокот больше не повторялся и Синдзи убедил себя, что ему померещилось. Вернувшись домой, резчик немного ослабился и понял, что безумно хочет спать. Он не стал бороться с этим чувством и уже совсем готовился уплыть в мир снов, когда услышал тихий шепоток. Кто-то говорил настолько тихо, что расслышать слов не получалось, но этот кто-то был совсем рядом с Синдзи – в одной комнате, не далее, чем в одном татами.

Резчик открыл глаза и увидел прямо над собой заплаканное женское лицо. Это было лицо госпожи Асакавы. Синдзи закричал.

Плачет кукушка.

Даже демоны – и те

Слушают ее.¹⁰

– Зачем ты беспокоишь покой святилища в такую рань, уважаемый?

Синдзи потратил некоторое время на то, чтобы понять вопрос, который ему задал смотритель святилища. Неразборчивый шепот госпожи Асакавы заполнял весь его разум, по-

¹⁰ 10. Автор Соо-ин (1604-1682). Перевод И. Плеханова.

что не оставляя места мыслям, ощущениям и эмоциям. Резчик страдал от недосыпа, тяжелой головной боли и ломоты по всему телу. Госпожа Асакава перелетела от одного его уха к другому и шепот продолжился. Синдзи случайно заглянул в ее глаза и увидел в них и в чертах белого, как первый снег, лица нечеловеческую агонию. Резчик поспешил отвернуться.

– Я навлек на себя гнев духа, господин! Помогите мне!

– Да что же ты так кричишь – я ведь всего в двух шагах от тебя.

– Что?! Я не слышу вас!

Смотритель, не говоря больше ни слова, указал Синдзи на ковш для умывания и ушел открывать лавку с амулетами.

Синдзи умыл руки, промыл рот, потом подумал и вылил целый ковш на свою разгоряченную голову. Несколько капель попали на госпожу Асакаву, от чего она отшатнулась в сторону, оскалилась звериной пастью, а шепот в голове Синдзи превратился в шипение смешанное с грязными ругательствами.

Резчик набрал еще воды и выплеснул ее на призрака, но на этот раз госпожа Асакава не отшатнулась, а вода просто прошла сквозь нее, хотя Синдзи видел на ее лице гримасу боли, а шепот вдруг прервался, чтобы через мгновение обернуться истошным, оглушительным криком. Резчик схватился за голову и упал на колени.

Так прошло некоторое время. Наконец, Синдзи почув-

ствовал, что какая-то сила пытается поднять его на ноги. Он открыл глаза и увидел смотрителя. Синдзи поддался его усилиям, поднялся на ноги и дал увлечь себя в святилище. Госпожа Асакава продолжала лететь за резчиком, пока не остановилась резко, будто врезавшись в стену. Шепот чуть ослаб, но полностью не прекратился.

Синдзи начинал приходить в себя. Смотритель вложил ему в руки защитные амулеты, и сейчас спешно писал что-то кисточкой у него на лбу.

– Это начало «Сутры сердца»¹¹. Должно помочь на некоторое время.

– Да, спасибо вам, господин!

– Пока не за что. Опиши, кто тебя преследует? Это демон?

– Нет, это дух умершего человека, женщины.

– Откуда ты знаешь?

– Я знал ее при жизни.

– Даже так? Души умерших людей часто беснуются, но это что-то другое... Ты виноват в смерти этой женщины?

Этот вопрос ударил резчика по голове. Он прекрасно знал, что не его рука была рукой, убившей художницу, он также твердо знал, что не его поступки толкнули ее к смерти.

¹¹ 11. Сутра сердца – один из фундаментальных первоисточников буддизма. В общем смысле, сутра – это лаконичное высказывание, афоризм или сборник афоризмов на определенную тему. «Сутра сердца» содержит 22 предложения и выражает учение Махаяны – одно из двух основных направлений буддизма. В Японии изучению и осмыслению «Сутры сердца» традиционно уделяется особое внимание.

Он вообще был не при чем, но все же чувствовал вину, хотя и сам не мог ее до конца понять.

– Нет, я не виноват в ее смерти. Разве только в том, что не успел ее остановить.

– Она убила себя?

– Да. Она совершила дзигаи¹² по всем правилам.

– Ты что, был при этом?

– Я пришел прямо перед тем, как она перерезала горло.

Смотритель замолчал и в задумчивости положил руку на подбородок. Только теперь Синдзи заметил, что шепот совсем стих, но это отчего-то не принесло ему успокоения. Резчик оглянулся на дверь святилища и увидел что-то странное: прямо из двери исходили несколько черных натянутых нитей, похожих на струны. Синдзи потер глаза и моргнул несколько раз – черные струны исчезли. Смотритель заговорил, возвращая внимание резчика себе:

– Возможно, дух преследует тебя как раз из-за того, что ты был рядом в момент смерти этой женщины. Ты уверен, что у нее нет причин тебя ненавидеть?

Синдзи обратился к своей памяти. У них с госпожой Асакавой возникали споры относительно работы, но они никогда не превращались в ссоры и, тем более, не могли служить причиной мести.

¹² 12. Дзигаи – ритуальное самоубийство, позволяющее уйти от бесчестия. Практиковалось женщинами из самурайского сословия. В отличие от мужского ритуала сэппуку (харакири), женщина перерезала себе горло, а не вспарывала живот.

– Да, я уверен в этом. Я просто вырезал формы по ее рисункам. Ничего более.

– А что именно делает дух?

– Он шепчет. Все время шепчет, понимаете, господин? Не переставая, без малейшей передышки. Госпожа Асакава следует за мной везде и все время шепчет.

– Давно это началось?

– Прошлым вечером.

– А сейчас она шепчет?

Синдзи прислушался к себе – шепота не было. Вообще ничего похожего. Резчик глубоко вдохнул, а когда начал выдыхать услышал явственный и очень близкий перебор струн сямисэна¹³. Воздух вместо того, чтобы плавно вытечь из его тела, вывалился оттуда испуганным комком с болезненным кашлем. Синдзи вскочил на ноги и, не обращая внимания на зрителя, начал осматриваться в поисках неизвестного музыканта. Взгляд его упал на то место, рядом с которым ему померещились черные струны. Теперь черных нитей стало намного больше, сами они истончились и перестали казаться струнами – Синдзи с ужасом осознал, что это волосы госпожи Асакавы, которая пытается пробраться в святилище. Резчик почувствовал у себя на плече чью-то руку и чуть не закричал, но обернулся и увидел зрителя.

– Она не тронет тебя здесь.

¹³ 13. Сямисэн – японский струнный музыкальный инструмент, наиболее схожий с лютней.

– Но она лезет, пытается пройти сквозь дверь!

– Где?

Синдзи показал рукой. Смотритель бросил туда взгляд, но ничего не увидел. Он подошел к двери и провел рукой по тому месту, где из двери росли волосы. Сначала ничего не произошло, но через несколько мгновений смотритель закричал и схватился за руку. Синдзи подбежал к нему и увидел, что рука смотрителя вся была в маленьких тонких порезах, как от бумаги. Сквозь боль смотритель спросил:

– Что она шепчет?! Это очень важно!

– Я не знаю, не могу разобрать! Она как будто говорит на выдуманном языке.

– Это недобрый дух и ему что-то от тебя нужно. Если ты неповинен в смерти этой женщины и не был ненавистен ей, значит, между вами есть незаконченное дело. Думай!

Синдзи пытался думать, но не мог сосредоточиться ни на чем, кроме того, что вслед за волосами из двери начали появляться руки с неестественно длинными ногтями, причем появлялись они намного быстрее, чем волосы.

– Думай!

– Мы не закончили гравюру!

– Закончи, иначе она не оставит тебя в покое.

– Но я же не художник. Только госпожа Асакава знала, какие цвета нужно использовать...

– Ну, тогда смерть тебе! И возможно не только тебе. Возьми все амулеты, которые сможешь унести, но даже не надей-

ся, что они защитят тебя, раз уж даже эти стены не могут.

Из двери вылезла единым рывком голова и посмотрела на Синдзи все с тем же выражением боли и тоски. Шепот ворвался в его разум, миг заглушив весь мир. Резчик попытался закрыть уши руками, и в этот раз это ему помогло – шепот больше не оглушал. Синдзи понял, что дело было в защитных амулетах, которые он все это время продолжал держать в руках.

Смотритель говорил ему что-то, но резчик не стал отрывать руки от ушей. Вместо этого он поспешил к лавке с амулетами и, бросив на лавку все деньги, которые были у него с собой, схватил полную охапку амулетов.

Когда Синдзи уже собирался открыть дверь, сквозь которую госпожа Асакава просунулась уже более чем на половину, смотритель схватил его за рукав, оторвал руку резчика от уха и прокричал, заглушая шепот, прямо в лицо:

– Если она не уйдет после того, как ты закончишь гравюру, убей себя – не подвергай других опасности. Пообещай!

Синдзи попытался вырваться, но смотритель крепко держал его окровавленной рукой.

– Да, я обещаю!

Смотритель отпустил его руку, и резчик стремительно выбежал на улицу, преследуемый по пятам озлобленным духом.

Груши в цвету...

А от дома после битвы

*Лишь руины.*¹⁴

Синдзи требовательно постучал в дверь дома мастера Такэды. Резчик имел причудливый вид – он весь был увешан защитными амулетами, а за спиной была корзина с печатными формами для их последней с госпожой Асакавой работы. Вечерело. Весь день Синдзи потратил на то, чтобы выбрать цвета для гравюры. Он припомнил самый первый рисунок госпожи Асакавы и ее замыслы. Этот рисунок погиб под рукой резчика, когда он делал самую первую форму, поэтому свериться с ним не было возможности.

Синдзи очень слабо разбирался в красках, поэтому в итоге решил положиться на мастера Такэду, тем более, что, зачастую, именно печатники выбирали цвета, а не художники. Госпожа Асакава неотступно следовала за ним, но ее шепот был теперь на самой границе слышимости. Возможно, дело было в амулетах, а возможно, госпожа Асакава просто решила дать резчику передышку. Хотя задремать у Синдзи все равно не вышло ни на мгновение.

¹⁴ 14. Автор Масаока Сики (1867-1902). Перевод А. Андреева.

Господин Такэда открыл дверь и удивленно произнес:

– Синдзи, это ты? Что ты забыл здесь в такое время?.. И что с тобой такое?

– Мастер Такэда, помните, я говорил вам, что мы с госпожой Асакавой готовили новую гравюру? У меня готовы все печатные формы и можно печатать.

– Да, но я думал, что Асакава не успела разметить цвета...

– Я сделал это за нее.

Господин Такэда усмехнулся:

– Ты? Ну что же, посмотрим, насколько ты хорош в этом, Синдзи. Приходи завтра с утра.

– Нет, мастер Такэда, сейчас!

– Эй, ну к чему такая спешка?

– У меня нет времени до завтра, мастер Такэда. Я могу только сегодня!

– Это почему это?

– Просто поверьте мне. Все печатные формы останутся вам бесплатно. Мне важно лишь, чтобы эта гравюра была напечатана.

Мастер Такэда посмотрел на резчика и взял паузу. Наконец, он произнес:

– Покажи-ка мне форму, Синдзи.

Резчик снял корзину и передал одну из форм Такэде. Госпожа Асакава нависла над формой, с интересом вглядываясь в нее. С интересом смотрел и мастер-печатник.

– Говоришь, сегодня или никогда?

– Да, мастер Такэда! Сегодня или никогда.

Такэда долго рассматривал доску, водил по ней рукой, потом хлопнул себя по бедру и сказал:

– Ладно, Синдзи, сегодня так сегодня!

Такэда провел резчика в дальнюю комнату своего дома, которая служила ему мастерской. Здесь стояли запахи риса и краски.

– Сколько цветов?

– Сорок два.

Такэда поднял взгляд на Синдзи, ища на лице резчика тень улыбки, но не нашел ничего похожего.

– Это Асакава придумала?

– Да.

Мастер Такэда кивнул и устроился на рабочем месте, подвинув к себе корзину с досками.

– По-хорошему нужно проделать отверстия в досках для более надежного закрепления, но раз ты ограничен во времени... Я правильно понял, что печатные формы останутся у меня, а тебе нужна только первая гравюра?

– Да, мастер Такэда.

– Ну что же начнем. Так, у нас осень... Какой цвет для неба?

Синдзи задумался. Внезапно шепот стал громче, а потом прозвучал совершенно явственно голос госпожи Асакавы: «Осеннее небо – светло-серый с переходом к бледно-голубому».

– Согласен. Листья будет хорошо видно. Неплохо, Синдзи.

Резчик нашел в себе силы лишь кивнуть – он был в ужасе и замешательстве от осознания того, что призрак только что говорила через него. Такэда начал методично наносить краски на доску, потом взял лист бумаги и опытной рукой легко положил его на доску, попав точно в размер. После этого он взял в руку барэн¹⁵ и прошел им по листу, прижимая бумагу к доске. Закончив это, Такэда снял лист с печатной формы и оценил его. Удовлетворенно хмыкнув, мастер показал его Синдзи. Над еще не созданным садом теперь было пасмурное, неглубокое небо.

Следующие часы прошли в напряженной работе. На листе появлялось все больше цветов. Синдзи впал в отрешенность и не мог даже для себя решить, сам он определяет цвета или ему их подсказывает призрак. Мастер Такэда взял в руки последнюю доску. «Те подхваченные ветром листья справа – самый красный цвет, на который ты способен!»

– Ты же понимаешь, что листьев такого цвета не бывает?

– Оцените, как они будут смотреться, мастер Такэда.

Очень уместно.

Такэда приблизил почти законченную гравюру к лицу и долго смотрел на нее. Была уже совсем глубокая ночь и све-

¹⁵ 15. Барэн – специальное приспособление, которым печатник прижимает лист бумаги к печатной форме. Представляет собой что-то вроде небольшой круглой подушечки, обтянутой плотной оболочкой.

та фонаря не хватало, чтобы разогнать тьму, поэтому мастер вынужден был щуриться. Наконец, он усмехнулся и произнес:

– А ведь действительно – ярко-красный здесь подойдет!

Мастер принялся в очередной уже раз наносить краску на печатную форму, но Синдзи не смотрел на него – он неотрывно следил за призраком, который свернулся калачиком на потолке и, казалось, уснул. Только распущенные волосы да пояс белого погребального наряда свисали почти до середины комнаты. Синдзи провел рукой сквозь волосы, а после этого поднес мозолистую ладонь к лицу. Порезов не появилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.